

Департамент образования города Москвы
 Московский институт открытого образования
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ОКРУЖНОЙ ЭТАП
 2012-2013 учебный год

10 класс

1	1	2	3	4	5	Итого
максимум	10	10	10	10	60	100 баллов
факт						

1. [10 баллов] Лошадь часто является героем произведений русских писателей и поэтов. Из каких текстов взяты эти отрывки? Напишите имя автора и название произведения.

фрагмент	автор	произведение
Кобылица молодая, Очью бешено сверкая, Змеем голову свила И пустилась, как стрела. Вьётся кругом над полями, Виснет пластью надо рвами, Мчится скачком по горам, Ходит дыбом по лесам...		
Арист! и ты в толпе слугителей Парнаса! Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса; За лаврами спешишь опасною стезёй И с строгой критикой вступаешь смело в бой!		
Жил, во времена оны, старый конь, и было у него два сына: Коняга и Пустопляс. Пустопляс был сын вежливый и чувствительный, а Коняга – неотёсанный и бесчувственный. Долго терпел старик Конягину неотёсанность, долго обоих сыновей вёл ровно, как подобает чадолюбивому отцу, но наконец рассердился и сказал: «Вот вам на веки вечные моя воля: Коняге – солома, а Пустоплясу – овёс».		
Хвостом помахивала. Рыжий ребёнок. Пришла весёлая, стала в стойло. И всё ей казалось – она жеребёнок, и стоило жить, и работать стоило.		
...Но не видно у реки той края, На исходе лошадиных сил Вдруг заржали кони, возражая Тем, кто в океане их топил. Кони шли на дно и ржали, ржали, Все на дно покуда не пошли. Вот и всё. А всё-таки мне жаль их – Рыжих, не увидевших земли.		

2. [10 баллов] Определите жанр художественного произведения по фрагменту текста. Обоснуйте ответ, указав характерные содержательные и формальные признаки этого жанра.

<...>Вся мысль моя была в воспоминанье,
Под небом сладостным отеческой земли.

Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне<...>

Всё спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казались безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!..

3. [10 баллов] Узнайте русского писателя.

А. *Служа в гвардии, он пристрастился к картам, но спасло Пугачёвское восстание — с не меньшим азартом поэт принялся ловить бунтовщика. Свою головокружительную карьеру он завершил уже при Александре I, успев побывать министром юстиции. Был секретарём императрицы, в чью честь сложил аллегорическую оду. Он, пожалуй, самый знаменитый экзаменатор в русской литературе. Напишите имя, отчество и фамилию поэта, а также название оды.*

Б. *Этот писатель родился в Москве в год Бородинской битвы, вынужден был покинуть родину, долгое время жил в Лондоне, был гражданином Швейцарии и умер в Париже. Известен под «немецкой» фамилией, придуманной для него отцом, носившим фамилию русскую. Девизом издаваемой им революционной газеты послужили слова Ф. Шиллера «Vivos voco» («Зову живых»). Назовите его имя, отчество и фамилию, а также название газеты.*

4. [10 баллов] *Представьте себе, что вы задумали написать реалистический роман в стиле И. А. Гончарова или И. С. Тургенева. Придумайте название для романа. Где и в какое время будет разворачиваться действие? Кого вы выберете главным героем (героиней) своего повествования? В нескольких предложениях опишите его социальное положение, занятия, характер. Какие события с ним произойдут? Какие встречи окажут на него влияние и как изменят его судьбу?*

5. [60 баллов] Выберите ОДНО из заданий.

I. Комплексный анализ эпического произведения

Всеволод Вячеславович Иванов (1895 – 1963)

ЛАМПА ПОСРЕДИНЕ МИРА (Первый рассказ о волшебной лампе)

Долгое время назад — ещё до войны 1914 года — довелось мне стать единственным наборщиком единственной типографии Павлодара, города, что и поныне прославляет добродушные степные берега Иртыша.

Второй раз в своей жизни получив жалованье, — и опять за целый месяц! — я понял, что передо мной важное событие. Первую получку я распределил настолько зыбко и неуловимо, что стеснялся теперь и вспоминать о том.

Я робко-невнятно задумался над деньгами. Необходимо озаглавить эти полные величия дни, это несомненное вступление в жизнь. Но как? Позвать гостей? Я знал едва ли десяток людей во всём городе. Пожертвовать эти девять рублей с высокой целью? Куда? Где эта высокая цель? Приобрести что-нибудь из одежды или вещей?

Таким образом, в раннее воскресное утро я пошёл на базар.

Базар в Павлодаре столь велик и длинен, что можно подумать, будто город собирается торговать с целым континентом. Двери магазинов широко распахнуты. Я иду от магазина к магазину, от окна к окну и беспрепятственно сближаюсь с теми товарами, которым почему-либо суждено быть моими. Я извёртываюсь, выдумывая предлог, чтоб уйти от витрины часовщика.

Хоть бы встретить какого-нибудь знакомого, хоть бы появился Насосец. Так зовут городского потешника, проказника, служащего в казначействе. Он сквернослов, свистун, лицо его слащаво, как медовый пряник, но купцам он нравится, и они любят калякать с ним о пустяках. Но и его нет ещё. Рано. Я гляжу уже не в магазины, а между них, и вдруг я вижу, что возле чайного магазина сидит, прислонившись к стене, босяк. Возле ног его медно-красная лампа, широкая, без фитиля и без стекла, да и приспособления, сжимки для стекла, нет. Пожалуй, это сооружение можно назвать светильней.

Она медно-красная, но давно не чищена и покрылась грубой патиной.

Лампа лежит возле колена, а колено в ссадинах, видно, босяк недавно упал. Он дышит мерно, заснул. Мешкать нельзя. Утащат.

Я шевелю его за плечо:

— Эй, дядя!

Он подёргивает плечом, носом. Я сильнее надавливаю на плечо. Он открывает глаза, думаю, что он будет меня ругать.

Он говорит:

— А чего не уступить? Торговаться не буду. Уступлю.

Удивление охватывает меня: зачем мне эта старая лампа? У меня и дома-то нет, а для вещей нужен дом, по крайней мере собственный угол, чтобы создавать там домашний уют.

Босяк опережает мои возражения:

— Чего пялишься? Это, брат, не простая лампа, а волшебная.

— Волшебная?

— А как же! Небось читал в книжках.

Книжек я читал много — и о путешествиях, и о прошлом, и о загадочной, далёкой Индии. Да-да, что-то припоминаю такое... Конечно, как я сразу не мог сообразить, о волшебной лампе я читал в арабских сказках. Стоит загадать желание и потерять лампу...

— Продаёшь? — спрашиваю я у босяка.

— Эка, продаёшь... Здесь одного материала, может, на гривенник, да волшебство, да работа. Вот и считай, сколько набежит... Денег не хватит расплатиться. — Он смотрит на меня, прищурился, будто оценивает — стоит со мной заключать сделку или поискать другого. — Уступаю во временное пользование. Сроком на час.

— И сколько же ты берёшь за час? — Голос мой дрожит от волнения. Я уже твёрдо знаю, что не напрасно пришёл на базар, что именно о такой лампе я мечтал всю жизнь. И к чему целый час, мне достаточно пяти минут, только хватит ли денег, чтобы расплатиться за воплощение мечты? Нашупываю получку, лежавшую в кармане. — Сколько?

— А сколько есть у человека. Если он и вправду захочет получить лампу, а не так, для баловства, то отдаст всё, что есть, хоть даже и тысячу рублей.

Протягиваю ему деньги на раскрытой ладони. Босьяк опять смотрит на меня с прищуром, удовлетворённо улыбается и встаёт с земли. Он перекладывает мою получку к себе в карман и направляется важным шагом к ближайшему кабаку. По дороге останавливается и через плечо кивает на лампу, которая так и лежит в мягкой павлодарской пыли:

— Лампу-то подбери. Спешу. Твой час уже начался.

Босьяк уходит медленно, а я схватываю лампу и крепко прижимаю её к груди. Мысли теснятся лихорадочно в голове. Что же пожелать? Что? — спрашиваю сам себя. — Странно. Так много желаний, и не знаешь, с чего начать. Просить одежды или еды — глупо, стоит ли на это тратить силу волшебства? Ведь у меня были деньги, чтобы купить необходимое. У меня ещё будут возможности заработать, мне и надо-то совсем немножко. Просить здоровья? Но я здоров, молод, мне всего восемнадцать лет. Что ещё? Лампа острой своей гранью впивается мне в грудь, давит. Я стою в нерешительности, а солнце за моей спиной движется, и вместе с ним движется тень у меня под ногами. Еле-еле, медленно, однако движется. Что же пожелать?

Вдруг я слышу за спиной шаги, чья-то чужая тень сливается с моей, кто-то кладёт руку мне на плечо. Свежий запах вина и жареной картошки обдаёт меня. Босьяк стоит рядом, нетвёрдо пошатываясь.

— Всё, брат, вытекло время. Впредь будь поворотливей.

Неужели целый час прошёл? Босьяк забирает лампу, суёт её под мышку, но не уходит, а всё стоит. Я прошу его тихим голосом, без особой надежды:

— Я уже придумал. Дай лампу на минутку, я только потру...

Он говорит укоризненно и серьёзно:

— Какое же волшебство в нарушение уговора? Обман, а не волшебство.

Я подумал: «Но для того, чтобы попросить Духа перебросить меня из эпохи в эпоху, разве не стоило побеспокоиться... Допустим, что я сам, своим поэтическим чутьём смогу быть и царём, и рабочим, и рабом, и солдатом, и учёным. Но смогу ли я сам выбрать такую эпоху, из которой, как из бинокля, можно было б разглядеть и понять все эпохи? Какие основания, что эта эпоха, в которой я нахожусь, есть именно та, на которую я рассчитывал?»

Я стою опечаленный, опустив голову, и размышляю: «Вот и вторую получку потратил без смысла. Но не денег жалко. А вот когда же я стану взрослым, рассудительным?»

А босьяк мне сказал, читая мои мысли:

— Но только ты зря убиваешься, что не дотронулся. Дело в том, что когда я проходил через Лебязжий, то эту штучку видела твоя мать, когда ты не родился ещё. И, кто знает, быть может, она дотронулась и пожелала, чтоб ты родился именно в ту эпоху, которую желаешь.

Так как он прочёл именно то, что я думал, я решил, что передо мной была именно волшебная лампа, и я поверил тому, что не я, а моя мать дотронулась и вызвала соответствующего Духа. Должен сказать, что моя мать, не будучи практической женщиной, всё же была решительна. Я говорю потому практической, что, если б она заботилась о моём благополучии, она б вызвала меня в другую эпоху. Но она знала, что не практическое благополучие составляет счастье людей. И она выбрала именно ту эпоху, в которой мы с вами, читатель, находимся. Я на неё не сетую, хотя меня не печатают наполовину и хотя эти рассказы вряд ли будут напечатаны при моей жизни. Дело в том, что книгопечатание изобретено так недавно и сетовать на то, что все твои писания будут и должны быть непременно напечатаны, — глупо. У человечества и без того много хлопот.

II. Интерпретация лирического произведения.

Ярослав Смеляков (1913 – 1972)

ДАВНЫМ-ДАВНО

Давным-давно, ещё до появления,
я знал тебя, любил тебя и ждал.
Я выдумал тебя, моё стремленье,
моя печаль, мой верный идеал.

И ты пришла, заслышав ожиданье,
узнав, что я заранее влюблён,
как детские идут воспоминанья
из глубины покинутых времён.

Уверься в том, что это образ мой,
что создан он мучительной тоскою,
я любовался вовсе не тобою,
а вымысла бездушною игрой.

Благодарю за смелое ученье,
за весь твой смысл, за всё —
за то, что ты
была не только рабским воплощеньем,
не только точной копией мечты:

исполнена таких духовных сил,
так далека от всякого притворства,
как наглый блеск созвездий бутафорских
далёк от жизни истинных светил;

настолько чистой и такой сердечной,
что я теперь стою перед тобой,
навек покорённый человеческой,
стремительной и нежной красотой.

Пусть меня мечтатель не осудит:
я радуюсь сегодня за двоих
тому, что жизнь всегда была и будет
намного выше вымыслов моих.

<1960-e>